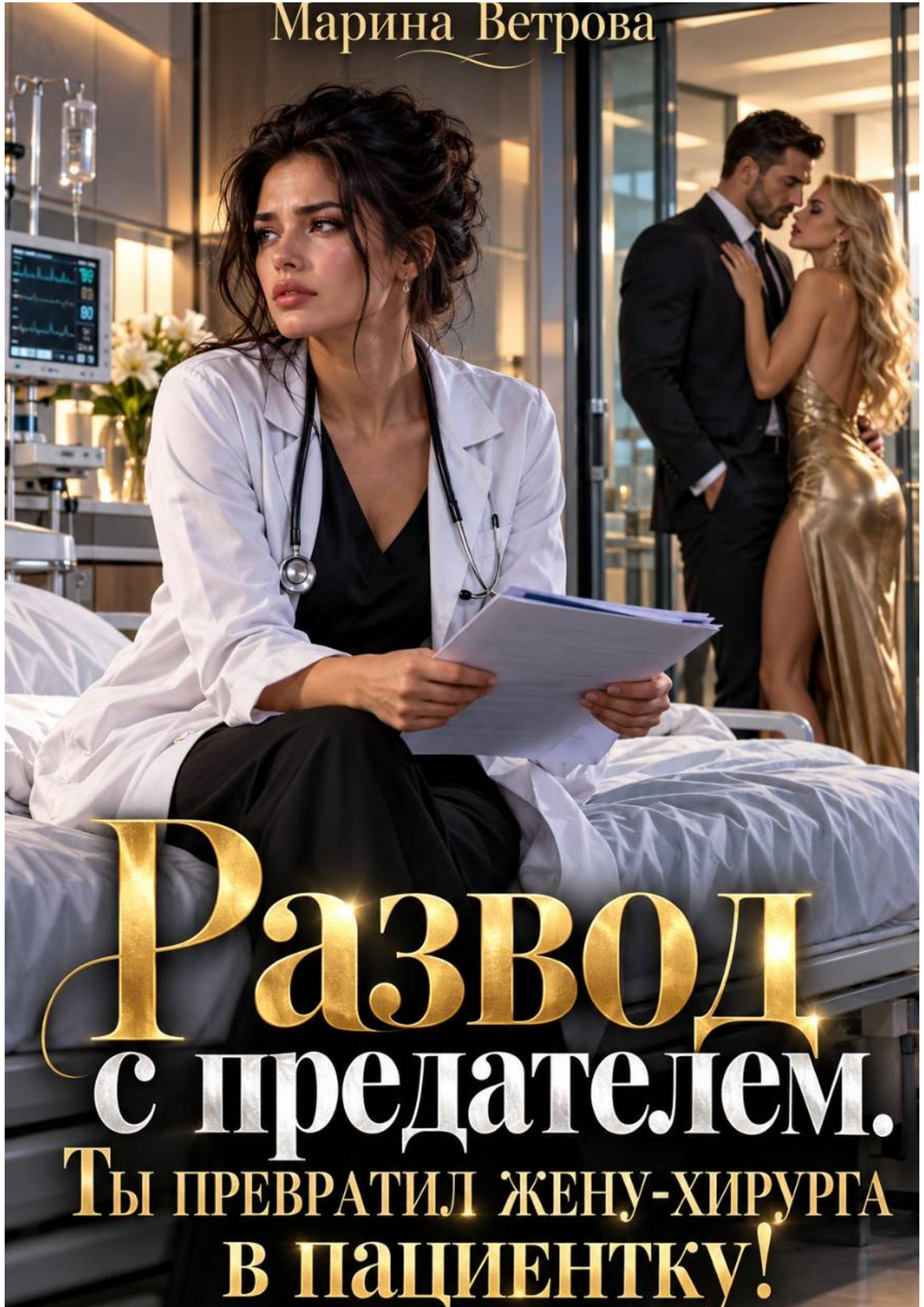

Марина Ветрова

Развод с предателем. Ты превратил жену-хирурга в пациентку!

Марина Ветрова

**Развод с предателем.
Ты превратил жену-
хирурга в пациентку!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Развод с предателем. Ты превратил жену-хирурга в пациентку! /
М. Ветрова — «Автор», 2026

Я вернулась после тридцатишестичасового дежурства и нашла дома положительный тест на беременность. Муж уверял, что его любовница ждёт ребёнка. Но тест оказался подделкой. — Подпиши отказ от клиники, Вера. И всё закончится! Когда я отказалась, Артём обвинил меня в растрате, лишил работы и отправил в психиатрическую палату моей клиники. Меня накачивали препаратами, пока он готовил передачу бизнеса. Он забыл только одно: я хирург. Я умею находить причину болезни и удалять то, что угрожает жизни. Теперь у меня есть доказательства, следовательно Дмитрий на моей стороне и одна цель: вернуть своё имя, профессию и свободу. А мужу придётся ответить за каждую ложь.

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Ветрова

Развод с предателем. Ты превратил жену-хирурга в пациентку!

Глава 1

Тридцать шесть часов. Цифра висела в воздухе, как дым от электродов. Мои руки, только что державшие скальпель с точностью ювелира, теперь мелко дрожали, пытаюсь удержать связку ключей. За тридцать шесть часов дежурства я присела только раз, на край стула в ординаторской. Теперь от усталости знобило так, что зуб ключа звякал о замок. Этот холод я знала: после него даже чашку лучше держать обеими руками.

Подъезд пах хлоркой и чужим дождем. Квартира на третьем этаже — моя крепость, мой бункер. Здесь я была Верой: хирургом, женой Артёма, хозяйкой положения. Здесь я могла выдохнуть.

Ключ скользнул мимо скважины. Второй раз. Третий. Пальцы онемели, стали чужими деревяшками.

— Давай, Вера, соберись, — прошептала я себе. Голос звучал чужо, будто из динамика телефона.

На четвертой попытке замок щелкнул. Но дверь открылась раньше, чем я успела толкнуть её плечом. Она просто распахнулась внутрь, словно кто-то уже ждал меня за порогом. Или вышел.

Тишина. Я прислушалась к кухне: ни чайника, ни привычного звона Артёмовой ложки о чашку. Только лифт за стеной. Прихожая была пуста. Сумки Артёма не было на крючке. Его куртки, обычно брошенной на спинку стула, тоже не было.

Я переступила порог, чувствуя, как пол под ногами слегка вибрирует от шагов соседей этажом выше. И тут ударил запах.

Сладкий. Приторный. Ноты жасмина и чего-то тяжелого, синтетического, что не имеет ничего общего с моим строгим парфюмом «Chanel» или запахом стерильности клиники. Чужие духи висели в воздухе прихожей густой завесой.

«Ошибка обоняния», — сказала я себе. «После такого дежурства и кофе пахнет не так. Может, дело в усталости».

Я закрыла глаза, вдыхая ртом воздух, чтобы перебить этот навязчивый аромат. Когда открыла, запах никуда не делся. Он вьелся в коврик, в ткань пальто, которое лежало на полу. Не на вешалке. На полу. Как будто его сбросили торопливо.

Ноги понесли меня на кухню. Там было светлее, чище. Белый мрамор столешницы, хромированная техника. Безопасность. Я включила воду из фильтра, подставив стакан под струю. Звук льющейся воды успокаивал. Я сделала глоток, морщась от привкуса металла во рту.

Мой взгляд упал на мусорное ведро. Оно стояло рядом с мойкой, полное кофейных фильтров и оберток от печенья. Под серой бумагой виднелся уголок белого пластика. Форма была знакомой. Пластиковый корпус теста на беременность.

Я замерла со стаканом в руке. Стакан наклонился, вода побежала по моим пальцам на столешницу. Я поставила стакан. Медленно, как хирург, который знает, что каждое движение должно быть взвешенным, я протянула руку и достала предмет.

Тест был положительный. Две полоски. Яркие, красные, почти оскорбительные.

Я перевернула его. На обратной стороне от руки было написано: «12 недель». Ни даты, ни имени. Разве так отмечают результат?

Рядом, засунутый под фильтр так, чтобы его не заметили сразу, лежал чек из отеля «Балчуг Кемпински». Дата оплаты: вчера. Время: 21:00. Номер люкс.

Артём был в командировке в Петербурге. Три дня. Он обещал вернуться сегодня вечером.

Я смотрела на цифры. 12 недель назад мы были в отпуске на Мальдивах. Мы занимались сексом часто. Слишком часто.

Но номер оплатили вчера. В Москве. В отеле, где Артём бывал только по делам, если не считать той самой «командировки», которую он отменил в последний момент, сославшись на срочную встречу с инвесторами.

В голове щелкнуло. Холодный расчет. Математика.

Двенадцать недель — это примерно ноябрь. Тогда мы были на Мальдивах. Чья здесь беременность? При чём тут вчерашний отель?

Я свела края чека с пластиком, словно они могли подойти друг к другу и дать ответ. Ничего не сходилось. Надпись на тесте не подтверждала ни срока, ни того, кому он принадлежал. Зато её оставили именно там, где я должна была увидеть.

Я не заплакала. Ни одна слезинка не скатилась по щекам. Внутри все залило льдом. Это была не боль. Это был диагноз.

«Предательство. Стадия первая. Острая».

Зазвонил телефон. Не мой. Артёма.

Он лежал на кухонном столе, экраном вниз. Обычно он никогда не оставлял его без присмотра. Для него телефон был продолжением тела, органом чувств. Забыть его здесь — значит, потерять часть себя. Или нарочно оставить приманку.

Экран вспыхнул. Уведомление от контакта «Елена».

«Милый, я уже соскучилась по твоим рукам. Жду звонка. Люблю тебя».

Имя Елены всплыло в памяти, как заноза. Бывшая однокурсница. Та, которая всегда улыбалась чуть шире, чем нужно, и смотрела на Артёма так, будто он был десертом, а не коллегой.

Следом пошёл входящий вызов от Елены. Я подняла телефон. Палец завис над кнопкой ответа. Я хотела сказать ей что-то ядовитое, уничтожающее. Хотела услышать ее голос, чтобы понять, насколько глубоко она вошла в нашу жизнь.

Но звонок сорвался. Экран погас.

Вместо этого дверь квартиры начала вибрировать.

Не громко. Ритмично. Три коротких удара. Пауза. Два длинных. Профессиональная кодировка присутствия власти.

Я посмотрела на часы. 23:45.

Никто не приходит в такое время без причины. Никто, кроме тех, кто хочет забрать то, что принадлежит тебе.

Я вышла в гостиную. Дверь затряслась сильнее.

— Полиция! Открывайте!

Инстинкт контроля кричал: «Открой дверь. Посмотри врагу в лицо. Ты не прячешься. Ты не жертва».

Я повернула замок.

На пороге стояли двое мужчин в форме и мужчина в строгом темном костюме. За их спинами, в лифте, маячили еще два силуэта.

Мужчина представился первым. Голос сухой, бесцветный.

— Следователь Дмитрий Соколов. Уголовное дело по факту растраты средств частной клиники «Остео-Мед». Постановление на обыск по делу вашего мужа, Артёма Волкова. Также проверяется ваша причастность к сокрытию активов.

Дмитрий. Я узнала его. Мы учились вместе на одном факультете, потом пересекались на конференциях. Он был тихим, наблюдательным. Всегда держал дистанцию. Почему он здесь?

— Он в командировке, — сказала я. Голос дрогнул. Я ненавидела это дрожание.

— Мы знаем, где он находится, — ответил один из оперативников, проходя внутрь, игнорируя меня. — А вы оставайтесь на месте, доктор.

Они рассыпались по квартире, как тараканы. Шуршали пакетами для улики, фотографировали интерьер, открывали шкафы.

Мой взгляд поймал следователя Дмитрия. Он стоял посреди гостиной, глядя на картину над камином. Наше фото на свадьбе. Артём смеется, я улыбаюсь. Идиллия.

— Красивая деталь интерьера, — сказал оперативник, который рылся в мусорном ведре на кухне. Он подошел к нам, держа в руке тот самый тест на беременность и чек из отеля. Он хмыкнул, глядя мне прямо в глаза, и бросил тест обратно в ведро. — Но нам нужны финансовые документы. Где серверы? Где пароли?

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Они нашли это. Они использовали это. Измена стала уликой. Моральный компромат превратился в инструмент давления.

— Артём не мог... — начала я.

— Они добиваются отказа от доступа к серверам клиники, — тихо сказал Дмитрий, подходя ближе. Так близко, что я чувствовала запах его одеколона — дешевый, резкий, контрастирующий с приторностью духов в прихожей. — Он в безопасности, Вера. А ты нет.

Его слова были как пощечина. «Он в безопасности». Значит, они знают, где он. Он не арестован — значит, играет роль пострадавшего мужа, которого обманула жена-преступница.

— Я ничего не подписываю, — отрезала я. Страх сменился яростью. Холодной, хирургической. — Вы нарушаете процедуру. Покажите постановление. Я хочу видеть, что именно вы имеете право изымать.

Дмитрий усмехнулся. Грустно. Почти виновато.

— Процедура... Вера, посмотри вокруг. Ты думаешь, это случайность?

В сейфе Артёма, который оперативники вскрыли за две минуты (код был прост, как и всё в этой игре), нашли папку.

Оперативник вытащил стопку договоров. Разложил их на столе передо мной.

Подписи. Моя подпись. Рядом — имя «Елена Ковалевская». Дата: месяц назад. Сумма: пять миллионов рублей. Консультационные услуги.

Я смотрела на свою подпись. Она выглядела настоящей. Идеально повторяла наклон букв, давление ручки. Но я не помнила, как ставила её. Я не помнила встречи с Еленой в прошлом месяце.

Голова закружилась. Боль пронзила виски, острая, как скальпель. Перед глазами поплыли темные пятна.

— Доктор, вам плохо? — спросил один из полицейских. В его голосе не было сочувствия. Только ожидание.

— Позовите скорую, — приказал другой.

Я опиралась на край стола, чувствуя, как ноги становятся ватными. Мир сузился до точки.

Полицейские переглянулись. Один из них, тот, что был помоложе, незаметно подошел к буфету. Я видела краем глаза, как он взял стакан воды. Его рука дернулась над краем стакана. Что-то белое мелькнуло и исчезло в воде. Я моргнула. Таблетка? Или блик?

Он протянул мне стакан.

— Выпейте, доктор. Вам станет легче. Гипертонический криз, судя по виду.

Надо было отказаться. Попросить другой стакан. Но я уже сомневалась даже в том, что видела. Тремор усилился. Голова гудела, как трансформаторная будка. Я взяла стакан. Руки дрожали так сильно, что вода расплескалась на рубашку.

Первый глоток. Горьковатый привкус. Не воды. Химии.

Второй глоток. Я заставила себя сделать его, потому что сопротивление требовало сил, которых у меня больше не было. Темнота сгущалась. Голоса стали приглушенными, как из-под воды.

Последнее, что я увидела перед тем, как сознание отключилось, — лицо Дмитрия. Он стоял совсем рядом. Смотрел на меня. И в его глазах не было торжества. Была тревога.

Глава 2

Холод. Резкий, обжигающий холод воздуха.

Я открыла глаза. Потолок гостиной был белым. Обычным.

Я лежала на диване. Кто-то накрыл меня пледом.

Рядом склонился Дмитрий. Он шептал, наклонившись так низко, что его губы почти касались моего уха.

— Это подстава, Вера. Артём продал тебя. Но они хотят, чтобы ты выглядела сумасшедшей. Не принимай лекарств. Выйди на воздух. Прямо сейчас.

Слова врезались в мозг, как гвозди. Подстава. Артём. Продал.

Я села. Голова кружилась, но ясность возвращалась. Таблетка... они дали мне транквилизатор? Или антипсихотик? Чтобы я не смогла дать показания? Чтобы я потеряла контроль?

Я посмотрела на свои руки. Они снова дрожали, но теперь это была дрожь адреналина, а не слабости.

Я вспомнила тест — тот, с пластиковым корпусом.

Дмитрий заметил мой взгляд. Он молча кивнул в сторону кухни.

Я встала. Ноги не слушались, но я заставила их идти.

Прошла мимо полицейских, которые продолжали обыск. Они не остановили меня. Может, потому что думали, что я в шоке. Может, потому что Дмитрий дал сигнал.

На кухне я подошла к мусорному ведру. Достала тест.

Перевернула его.

Номер партии.

Знакомая маркировка. Три года назад у нас отзывали такие тесты из-за брака реактива; я разбирала коробки с остатками. Номер нужно сверить, но уже сейчас верить двум полоскам было нельзя. Такой тест могли взять из старых запасов клиники. Клиники, где работает Елена. Где Артём — управляющий партнер.

Это реквизит. Театральная бутафория.

Тест не доказывал измену. Очень похоже на постановку. Цель — не развестись. Цель — сделать меня недееспособной морально, запугать, сломать, чтобы я подписала отказ от управления бизнесом под давлением стыда и страха. Рейдерский захват моей доли в клинике через психологическую атаку.

Я сжала тест в кулаке. Пластик впился в ладонь. Боль была реальной. Единственной правдой в этом мире лжи.

Я вышла из подъезда. Пальто висело на мне мешком, поверх рабочего костюма. Во рту всё ещё стояла горечь той воды. Что бы мне ни дали, ясность могла снова уйти; я не доверяла этому короткому просвету.

Мимо проехала машина скорой помощи, вызванной полицией. Мигалки отражались в лужах.

Я шла по двору, чувствуя холод февраля на щеках.

Впервые за годы я не чувствовала себя врачом. Не чувствовала себя женой.

Я чувствовала себя мишенью.

И стрелок сидел в моей собственной спальне.

Артём не вернется домой сегодня. Или завтра. Он будет ждать, пока я сломаюсь. Пока я подпишу бумаги. Пока я стану «больной», «виновной», «ничтожеством».

Но я посмотрела на свои руки. На синяки от ногтей, вцепившихся в пластик.

Ледяная ясность разлилась по венам, заменяя собой страх.

Я не жертва.

Я знаю правила игры. И теперь я буду играть по своим.

Я достала телефон. Набрала номер.

— Привет, Дмитрий. Это Вера. Нам нужно поговорить. Без свидетелей.

Запах гари и свежего бетона ударил в ноздри раньше, чем я успела моргнуть. Это был не мой дом. Или, может быть, это был мой дом, но вывернутый наизнанку, как перчатка после операции. Вернувшись со двора, я стояла посреди гостиной, всё ещё сжимая тест в кармане, и смотрела на то, как три человека в серых куртках методично превращают мою жизнь в хаос.

— Предъявите ордер, — мой голос прозвучал хрипло, чужеродно. В хирургии мы учимся говорить спокойно, когда пациент теряет пульс. Но сейчас мой собственный пульс скакал где-то в горле. — Объясните причину обыска в квартире, где проживает гражданское лицо, не являющееся подозреваемым по делу о растрате средств «Клиники Остео-Мед».

Дмитрия уже не было. Обыск теперь вёл Денисов. Он даже не поднял глаз. Он бросил на стол толстую папку с мокрым звуком, похожим на шлепок ладони по мертвому мясу. Его пальцы были короткими, красными от холода, и они нервно теребили край манишки рубашки.

— Заткнись и не мешай работать, — бросил он мне. Оперативник слева, услышав это, ухмыльнулся и двинулся к книжным полкам.

Я сделала шаг навстречу им. Воздух в комнате стал плотным, вязким, как кровь при коагуляции. Они игнорировали меня. Не со злобой, а с тем специфическим высокомерием, которое испытывает кондуктор, видящий безбилетника. Для них я была объектом. Мешающим элементом интерьера.

— Артём! — крикнула я в пустоту коридора, где эхо моих шагов звучало как приговор. Где ты?! Ты же сказал, что у тебя командировка в Петербурге. Почему здесь полиция?

Телефон молчал. Экран показывал «Абонент недоступен». Значок сети мигал, словно подмигивая мне издевательски. Я знала этот номер наизусть, набирала его тысячу раз за годы совместной жизни. Но сейчас тишина на том конце провода была громче любого крика. Он исчез. Мой муж, мой партнер, человек, который обещал защищать наш брак любой ценой, просто испарился, оставив меня один на один с этими людьми в сером.

Страх сменился яростью. Холодной, стерильной, как скальпель. Я повернулась и рванула в спальню. Там, в сейфе за картиной, лежали копии медицинских карт пациентов, которые я вела лично. Имена. Диагнозы. Чужие секреты, ставшие моей ответственностью. Если они вскроют сейф, если вывалят эти бумаги на пол, я потеряю лицензию. Нет, я потеряю себя.

Оперативник, тот, что рылся в книгах, уже был там. Он увидел меня в дверном проеме и усмехнулся. Усмешка была кривой, зубастой.

— Стоять, — скомандовал он.

Я не остановилась. Я метнулась к нему, пытаюсь физически перекрыть доступ к металлическому ящику. Мои руки, привыкшие держать инструменты весом в пару килограммов, ударили по его плечу. Жестко. Точно.

Он даже не качнулся. Просто развернулся всем корпусом, используя инерцию моего движения, и толкнул меня назад. Спина ударилась о стену с такой силой, что перед глазами вспыхнули белые искры. Я соскользнула вниз, чувствуя, как колени предательски дрожат. А он уже доставал лом.

Звук скрежета металла о металл резанул по нервам хуже, чем боль. Секунды. Минуты. Мне показалось, что прошла целая вечность, пока замок не поддался. Дверца распахнулась, выплевывая наружу папки с именами людей, которые доверяли мне свои кости, свои боли.

— Неприкосновенность частной жизни! — выкрикнула я, задыхаясь. — Вы уничтожаете конфиденциальность пациентов! Это уголовная статья против вас самих!

Денисов вошел в спальню медленно, как хищник, чувствующий запах крови. Он посмотрел на рассыпанные карты, затем на меня, сидящую на полу в позе эмбриона.

— Конфиденциальность? — переспросил он, и в его тоне было столько презрения, что захотелось блевать. — Ваша репутация, доктор Вера, уже не стоит той бумаги, на которой написана.

Он щелкнул пальцами. Оперативник начал фотографировать документы. Каждый снимок вспышкой бил меня по сетчатке глаза, оставляя черные пятна в поле зрения. Я закрыла лицо руками, пытаясь защититься от света, от стыда, от осознания того, что моя профессиональная честность стала вещественным доказательством моей «вины» в глазах закона.

— Позвони адвокату, — пробормотала я себе под нос, доставая телефон из кармана брюк. Пальцы дрожали так сильно, что экран становился скользким от пота. Набирая номер Дмитрия, чтобы попросить контакты адвоката, я увидела уведомление. Пропущенный звонок. От Артёма.

Сердце пропустило удар. Может, он вернулся? Может, он остановит их? Я перезвонила, прижав трубку к уху, надеясь услышать его голос, его оправдания, хоть что-то живое.

Но вместо этого я услышала запись. Голос Артёма, ровный, деловой, записанный на автоответчик: «В данный момент я занят важной встречей. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала».

И тогда до меня дошло. Он не просто «не мог ответить». Он мог заблокировать меня. Или просто не отвечал. Сейчас я не могла добиться от него ни слова. Он стирал меня из своей жизни, пока другие стирали меня из реальности. Надежда, последняя тонкая нить, оборвалась с сухим треском.

Глава 3

Из ванной донесся новый звук. Шуршание ткани. Я подняла голову. Два оперативника выходили из ванной комнаты, держа в руках нечто странное. Не деньги. Не документы.

Женский шарфик. Бирюзовый. Мой любимый, подаренный матерью.

Парфюм. Флакон с дорогими духами, которые я купила сама, но которые всегда ассоциировались у Артёма с «другой женщиной».

Нижнее белье. Чистое, аккуратно сложенное, но выставленное напоказ, как трофей.

— Что это такое? — спросил один из них, глядя на Денисова.

— Доказательства аморального поведения, — ответил следователь, не отрывая взгляда от ноутбука. — И связи с третьими лицами.

Я вскочила на ноги. Ярость затопила разум, смывая страх.

— Это мои вещи! Вы украли их из личного шкафа! Это нарушение процедуры обыска! Верните!

Денисов даже не посмотрел в мою сторону. Один из оперативников демонстративно взял бирюзовый шарфик и поднес к лицу, вдыхая аромат, будто проверяя его на наличие наркотиков. Потом он многозначительно переглянулся с коллегой и засунул ткань себе в карман куртки.

Это было не расследование. Это была порнуха для следственных материалов. Они искали грязь. Искали повод назвать меня шлюхой, сумасшедшей, ненадежной женой. Чтобы оправдать кражу бизнеса. Чтобы сделать меня «невменяемой» в глазах суда.

— Адвокат! — закричала я снова, чувствуя, как голос срывается на визг. — Я требую присутствия адвоката! Я буду снимать ваши действия на камеру! Это будет жалоба в прокуратуру!

Я схватила телефон, включила видеозапись, направив объектив на лица оперативников. На их улыбки. На их грубые руки, лазающие по моему белью.

— Выключи, — сказал Денисов.

— Нет, — ответила я, и в этом слове была вся моя оставшаяся сила. — Я фиксирую обыск. Это моё право на защиту...

Рука Денисова метнулась быстрее, чем я успела моргнуть. Он выхватил телефон из моих пальцев с такой легкостью, будто забрал игрушку у ребенка.

— Устройство изъято как возможный носитель улики, — сухо произнес он, опуская мой телефон в прозрачный пластиковый пакет. Звук шороха пакета был оглушительным.

Тишина. Полная, абсолютная изоляция. Меня лишили голоса. Лишили связи с внешним миром. Я осталась одна в этой комнате, среди чужих рук, перебирающих мою жизнь.

На полу, вокруг моих ног, лежали медицинские карты. Разбросанные, перемешанные с чеками из магазинов, старыми фотографиями наших семейных отпусков, детскими рисунками (теми, что нам присылали пациенты в благодарность). Картины хаоса.

Инстинкт врача перевесил инстинкт жертвы. Я упала на колени. Не плача. Не крича. Просто собирая листы. Аккуратно, по алфавиту. Фамилии пациентов. Их диагнозы. Их боль. Она не должна быть растоптана. Даже если моя жизнь топчут в грязи.

Мои пальцы коснулись листа с подписью маленькой девочки, которая пришла ко мне с переломом лучевой кости. Я начала складывать бумагу пополам, чтобы убрать в папку, которую удалось найти в завалах.

— Хватит сентиментальничать, — раздался над головой голос Денисова.

Он сделал шаг вперед. Его тяжелый армейский ботинок наступил прямо на угол листа с именем ребенка. Грязь с подошвы, въевшаяся в бумагу, расплылась черным пятном.

— Ваша забота о людях не спасет вас от тюрьмы, — прошипел он, и его вес увеличился. Сапог давил на мои пальцы, которые все еще держались за карту. Боль была острой, пронзительной, она простреливала вверх по руке, к плечу, к челюсти.

Я не отдернула руку. Я смотрела ему в глаза — на то, как он наслаждается моим унижением. Как он видит во мне не человека, а объект манипуляции.

И тут я заметила деталь. Маленькую, ничтожную, но убийственную.

На запястье Денисова часы. Темно-синий циферблат, золотая окантовка, ремешок из кожи аллигатора. Модель редкая, заказная. Я помнила их. Видела их на руке Артёма на последнем корпоративе клиники. Артём говорил, что это подарок от партнера. Он никогда не снимал их. Ни на секунду.

Я вспомнила звук уведомления на телефоне, который только что изъяли. «Дзинь». Тот характерный мелодичный перезвон iPhone, настроенный на определенные контакты. Когда Артём писал мне, звук был другим. Когда кто-то другой...

Денисов наклонился ниже, его лицо исказилось в гримасе отвращения.

— Подними руки, — приказал он.

Я медленно подняла взгляд от своих раздавленных пальцев. Посмотрела на часы. Посмотрела на его лицо. И вдруг поняла. Синхронность. На золотой окантовке была царапина. Артём оставил её, зацепив часы о край металлического стола на том корпоративе. Я ещё смеялась: дорогая вещь, а обращаешься как с отвёрткой.

Он не искал доказательства растраты. Он искал способ сломать меня психологически. Эти часы были не случайностью. Они были печатью. Подписью заказчика.

Я сглотнула. Слёз не было; я всё ещё смотрела на царапину. Внутри меня что-то щёлкнуло. Не нерв. Ключ. Замок.

Денисов убрал ботинок с моей руки, отступая к столу. Я выпрямилась. Медленно, сохраняя зрительный контакт с ним. Моя боль трансформировалась. Она не исчезла, она конденсировалась, становясь твердой, как костная мозоль.

Он улыбнулся мне уголком рта, ожидая увидеть сломленную женщину, готовую подписать отказ от управления клиникой ради сохранения свободы. Он видел жертву.

Но я увидела правду. В его глазах не было закона. Не было справедливости. Там был Артём. Его холодный расчет. Его жадность. Его страх перед моим умом.

Этот обыск был не поиском правды. Это была казнь моего имени, которую он оплатил заранее. И он забыл одну вещь: казненные часто возвращаются. Призраками.

Клиника пахла антисептиком и чужим страхом. Я шла по коридору, стараясь не смотреть в глаза коллегам, но чувствовала их взгляды, как иглы под ногтями. Каждый шаг отдавался в коленях тупой болью — сказывалась бессонная ночь после обыска.

Мне нужно было забрать халат и личные вещи из ординаторской. Просто чтобы иметь хоть что-то привычное, хоть кусочек ткани, который помнил запах моего кофе и спокойствия.

Галина, моя старшая медсестра, женщина, которая почти десять лет прикрывала мои опоздания на планерки и варила мне чай перед сложными операциями, стояла у шкафа с ключами. Она увидела меня и отвернулась так резко, будто я была живым воплощением заразы.

— Галь, пусти, — голос дрогнул. Я ненавидела эту дрожь. Ненавидела себя за то, что прошу милостыню там, где когда-то командовала.

Она не обернулась. Только плечи напряглись, а губы шевельнулись, произнося слова для соседней палаты: «Такую нельзя подпускать к детям. Сожрет их».

Внутри шкафа лежали мои вещи. Мои инструменты. Моя жизнь. Но дверца была закрыта на замок, который теперь принадлежал администрации. Приказ был подписан полчаса назад. Артём успел. Он всегда все делал быстро, если это касалось денег или власти.

Я стояла, чувствуя, как горло сжимается от комка обиды. Хотелось кричать, бить кулаками по металлу, требовать объяснений. Но вместо этого я просто развернулась и пошла к охраннику у входа.

— Выбросьте всё на улицу, пожалуйста, — сказала я тихо. — Халат, блокноты, кружку. Всё.

Он посмотрел на меня со смесью жалости и отвращения. Кивнул. Через пять минут мой мир был упакован в мусорные пакеты и вынесен на крыльцо клиники, где дул февральский ветер.

Пока охранник собирал мои вещи, у лифта VIP-зоны, я столкнулась с Сергеем. Тот самый бизнесмен, которому я три года назад собрала ногу после падения с лошади. Тогда я вернула ему возможность ходить, спасла его карьеру. Мы были почти друзьями. Или я так думала.

Сергей замер, увидев меня. Его лицо превратилось в маску вежливой пустоты. Секретарша, молодая девица в строгом костюме, сделала шаг вперед, заслоняя своего шефа от меня, как щитом.

— Мой клиент не общается с людьми, которые разрушают семьи, — процедила она сквозь зубы, глядя мне прямо в глаза.

Лифт открылся. Сергей нырнул внутрь, даже не попрощавшись. Двери сомкнулись, оставив меня одну в холодном холле. В этот момент я поняла: для них я больше не доктор Соколова. Я — грязь. Моральное клеймо стерло все мои заслуги, все спасенные жизни, все бессонные ночи. Осталась только история про изменницу.

Глава 4

Дом встретил меня тишиной, но эта тишина была оглушительной. Мой старый запасной телефон вибрировал непрерывно. На основном, изъятом Денисовым, остались контакты и фотографии; здесь пока работали только перенесённые аккаунты. Я включила его, и поток новостей ударил меня физически.

В соцсетях вирусилось видео. Монтаж. Плохого качества, но эффективный. На нем Елена, та самая «любовница», выходила из отеля, держа руку на животе, а рядом мелькала тень женщины, похожей на меня. Подпись гласила: «Хирург-изменница прикрывала беременную любовницу мужа?»

Комментарии ползли вниз бесконечной лентой.

«Убить!»

«Позор медицине!»

«Мы знаем, где ты живешь. Жди гостей».

Под последним комментарием было фото фасада моего дома. Точное. С адресом подъезда.

Руки затряслись. Я попыталась удалить свои аккаунты. Нажимала кнопку «удалить профиль» снова и снова, но система выдавала ошибку: «Действие временно недоступно. Попробуйте позже».

Я не знала, стоял ли за этой ошибкой Артём или обычный сбой. Но мой адрес уже разошёлся по чужим экранам. Даже стёртый профиль не заберёт обратно эти копии.

Паническая атака пришла внезапно. Воздуха стало мало, сердце колотилось где-то в горле, пальцы онемели. Мне нужен был кто-то живой. Кто-то, кто знал меня до того, как я стала «женой инвестора».

Я набрала номер Марины. Единственной подруги еще со школы. Она взяла трубку после второго гудка.

— Вера?

— Марин, мне плохо. Физически плохо. Пожалуйста, приезжай. Посиди со мной. Не надо говорить, просто будь рядом.

Пауза длилась вечность. Я слышала шум воды на кухне, детский смех где-то далеко. Жизнь продолжалась за стеной её квартиры.

— Вера, я тебя люблю, — голос Марины был сухим, виноватым. — Но мой муж... он работает с Артёмом. У него контракт, проект. Я не могу сейчас рисковать семьей. Позвони позже.

Щелчок. Отбой.

Я смотрела на телефон, пока экран не погас. Абсолютное одиночество накрыло меня волной. Все эти годы я считала дружбу крепкой валютой. А оказалось, что все связи держались только на статусе «жены Артёма Волкова». Как только статус испарился, испарились и люди.

Нужен был воздух. Хотя бы глоток.

Я вышла на балкон. Холод мгновенно впился в кожу, обжигая легкие. Внизу, у подъезда, толпились люди. Журналисты с камерами, какие-то активисты с плакатами. Их лица были искажены жадой зрелища.

— Вера! — кто-то крикнул снизу. — Правда, что ты сделала аборт от любовника, чтобы скрыть это от мужа?! Ответь!

Я вцепилась в перила, побелев от холода и ярости. Хотелось закричать правду. Кричать о том, что я не знаю никакого любовника, что тест был подброшен, что меня травят. Но любой мой ответ будет перевернут, вырван из контекста и использован против меня. Они не хотели истины. Им нужна была кровь.

Молча, дрожа всем телом, я зашла внутрь. Задрав шторы, я превратила квартиру в тюрьму. Темнота давила на виски.

Единственный способ остановить это — напрямую. Артём мог закрыть рот СМИ, он мог отозвать заявление, он мог остановить этот фарс.

Я набрала его номер. Занято. Потом еще раз. И еще. Тишина.

Через минуту пришло SMS.

«Ты сама всё испортила своим поведением. Не пиши мне больше. Если хочешь сохранить лицо — уезжай из города. Это единственное, что тебе осталось».

Я перечитала сообщение три раза. Сохранить лицо? Уехать? Он не просто бездействовал. Он руководил процессом. Он использовал мое имя, мою репутацию, мою боль как инструмент для своих финансовых махинаций. Рейдерский захват начинался с уничтожения морального авторитета владельца доли.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Резко, требовательно.

Полицейские? Соседи, решившие расправиться сами?

Я подошла к глазку. Пусто. Открыла цепочку и приоткрыла дверь.

На пороге никого не было. Только коробка. Курьерская доставка.

Я внесла пакет в темную гостиную. Внутри не было еды. Там лежала стопка распечатанных листов. Скрины переписки. Моей и Дмитрия. Месячной давности. Мы обсуждали проверку документов клиники: сроки сдачи отчетов, договоры на оборудование. Обычная рутина.

Но внизу каждой страницы был добавлен комментарий, сделанный жирным шрифтом: «Роман со следователем ради прикрытия». Контекст вырван, смысл перевернут, доказательство моей «порочности» создано из воздуха.

Я начала читать, чувствуя, как внутри поднимается черная волна. Артём играл тонко. Он подставлял меня и как жену, и как профессионала, намекая на коррупцию.

И вдруг взгляд зацепился за деталь в метаданных файла, распечатанного на последней странице. Время отправки исходных файлов совпадало с моментом, когда Артём находился в своей «командировке». Но IP-адрес отправителя...

Я достала свой старый планшет, включила его. IP-адрес был виден четко. Я сравнила его с адресом сервера в старой служебной переписке. Совпадение. Не неизвестная хакерская группировка. Не третьи лица.

IP-адрес принадлежал серверу компании «Волков Инвестмент». Его компании.

Измена была ложью, но за ложью работал механизм — часть плана по рейдерскому захвату доли в клинике, где моей репутацией платили за контроль над бизнесом. Меня унижали для вида. По существу меня системно ликвидировали как конкурента и владельца.

Я посмотрела на строчку кода. Впервые за сутки слезы высохли. Вместо страха пришла холодная, звенящая ярость.

Я открыла блокнот, который чудом уцелел в коробке с вещами. Рука перестала дрожать.

На первой странице я написала дату. Ниже — список имен. Артём. Елена. Администратор клиники. Юристы платформы.

Игра началась.

Стеклянная дверь офиса «Соколов и партнеры» отъехала в сторону с шипением пневматики, словно выпуская пар из котла, где варилась моя репутация. Я была здесь три часа назад, чтобы найти защиту. Сейчас я чувствовала себя пациенткой на операционном столе, только скальпель держала не я, а чужие руки.

Глеб Соколов сидел за столом из темного дерева, полированного до блеска. Его костюм стоил больше, чем моя месячная зарплата хирурга-ортопеда. Он даже не поднял глаз от документов, когда я вошла. В воздухе пахло дорогим кофе и холодным презрением.

— Присаживайтесь, Вера Сергеевна, — бросил он наконец. Он говорил так буднично, словно перед ним была строка расходов, а не я. — У нас мало времени.

Я села. Колени предательски затряслись, но я заставила их замереть, сцепив пальцы в замок. Перфекционистка внутри меня кричала: «контролируй переменные». Но внешние факторы вышли из-под контроля.

— Артём передал мне ваши материалы, — Соколов выдвинул ящик и достал папку. Бумаги легли передо мной стопкой. — Тесты на беременность, чеки из отеля, переписка с этой... Еленой. Плюс показания коллег о вашем странном поведении после операции.

— Это ложь! — мой голос сорвался на визг, который тут же подавила горечь стыда. — Меня не было в том отеле. Я была в операционной. Шесть часов! Есть протокол вмешательства, есть свидетели, есть запись камер коридора клиники!

Соколов усмехнулся. Не злобно. Скучающе. Как будто слушал плохо разученную роль в школьном спектакле.

— Вера, суд уже вынес вердикт. Не юридический. Психологический. Те, кто будет рассматривать дело, увидят женщину, которая изменяла мужу, пока он решал финансовые проблемы семьи. А вы будете выглядеть истеричкой, цепляющейся за формальности.

Он пододвинул ко мне другой лист. Плотная бумага, водяные знаки.

— Подпишите признание вины по статье о мошенничестве с бюджетными средствами клиники. Мы согласуем условный срок. Штраф. Потеря лицензии на два года. Но свобода сохранена. И главное — вы избежите публичного позора в суде.

Меня замутило. Физически, до спазма в животе. Предать себя? Лгать о том, чего не делала, чтобы получить «смягчение»? Это было похоже на ампутацию конечности, которую можно спасти, ради того, чтобы ходить на протезе.

— Нет, — прошептала я.

— Что?

— Я сказала нет. Я не признаю вины. Я буду доказывать свою невиновность через медицинские факты. Я была на операции, когда эти фото были сделаны. Технически невозможно...

— Вы ошибаетесь в тактике, — перебил он жестко. Соколов включил монитор ноутбука. На экране открылась страница соцсетей Артёма. Свежий пост, набравший тысячи лайков. Фотография Артёма в больничном халате (как он умудрился это снять?) рядом с подписью: «Моя жена потеряла связь с реальностью. Нервный срыв, галлюцинации. Прошу врачей дать ей шанс. Она предала нашу семью ради славы».

— Видите? — Соколов ткнул пальцем в экран. — Он уже написал историю. «Нервная жена». Если вы пойдете в суд, вас отправят на принудительное обследование. Психиатрия. Признание недееспособной. Вы потеряете всё. Клинику, деньги, свободу. А если подпишете вот это... — он положил сверху еще один документ, договор о разделе имущества, — вы получите тишину. Артём заберет долю в клинике. Вы получите квартиру на окраине и алименты на себя. До суда.

Доверие к системе права рухнуло быстрее, чем я успела моргнуть. Адвокат не защищал меня. Он проводил капитуляцию.

Я встала. Стул со скрежетом отодвинулся назад.

— Я ухожу. Мне нужен другой юрист.

— Дверь заперта, Вера Сергеевна, — сказал Соколов спокойно.

Помощник адвоката, молодой парень с пустыми глазами и наушником в ухе, шагнул между мной и дверью. Он не угрожал физически. Он просто стоял там, создавая барьер.

— Ваш отец работает в госструктуре, верно? — мягко спросил помощник. — А мать пенсионерка? Представьте новости. «Дочь известного врача арестована за растрату». Как они это перенесут? Ваша лицензия будет аннулирована автоматически по факту возбуждения дела. Вы никогда больше не возьмете в руки скальпель. Зачем рисковать жизнью близких ради своего упрямства?

Их слова лезли под кожу, как осколки стекла. Я привыкла контролировать боль пациентов, знать каждую нервную веточку. Но сейчас боль была внутренней, разъедающей, и я не могла найти источник кровотечения, чтобы остановить его. Я видела перед собой не юристов, а мясников. Они разделяли мою жизнь на куски: карьера, семья, честность. Каждый кусок уходил в корзину.

Глава 5

В этот момент в кармане моего халата, который я все еще носила поверх гражданской одежды, завибрировал телефон. Экран вспыхнул именем «Дмитрий».

Звук был тихим, но в стерильной тишине кабинета он прозвучал как выстрел. Соколов побледнел. Помощник вздрогнул и инстинктивно отступил на полшага. Страх исказил лицо адвоката — тот страх, который я видела у пациентов перед анестезией.

— Подождите немного, — быстро произнес Соколов, его тон изменился с командирского на подобострастный. — Возможно, есть нюансы... Дмитрий Александрович может...

Помощник нажал кнопку у двери; замок щёлкнул. Я схватила телефон и вышла. Не оглядываясь. Коридор казался бесконечным, лифт ждал меня с открытыми дверями, как зев рая или ада.

На улице было серо и холодно. Москва встречала меня потоком машин и равнодушием прохожих. Я села в такси, дрожащими руками набирая номер Дмитрия.

— Алло?

Его голос звучал устало. Отстраненно. Как будто он говорил из другой комнаты, другой жизни.

— Дима, это я. Он... Соколов хотел заставить меня подписать бумаги. Признать вину. Отдать клинику.

Пауза. Долгая, тягучая, полная воздуха.

— Вера, я не могу вмешиваться официально. Дело передано следствию. Любой контакт со мной сейчас будет расценен как давление на следствие. Ты понимаешь?

— Ты знаешь правду, Дима! Ты знаешь, что это подстава!

— Знаю, — тихо ответил он. — Но мои руки связаны. Жди. Не подписывай ничего.

Гудки. Занято. Или он сбросил.

Я висела на ниточке. Между двумя мужчинами. Один хотел уничтожить меня юридически, второй — спасал, но не мог сделать шаг навстречу, боясь нарушить правила игры. Ощущение одиночества стало осязаемым, тяжелым, как свинцовый фартук рентген-лаборатории.

Квартира встретила меня темнотой. Свет я не включала сразу. Шаги эхом отдавались в пустых комнатах. На пороге лежала коробка. Без надписей, без обратного адреса. Курьерская доставка.

Сердце пропустило удар. Я взяла ее в руки. Легкая. Слишком легкая для цветов или подарков.

Открыла. Внутри лежал черновик соглашения о разводе. Аккуратно сложенный, с уже проставленными датами. И фотография. Елена. Та, чье имя я увидела на экране Артёмова телефона. Она улыбалась, обнимая живот. Дата на снимке совпадала с днем моей сложнейшей операции на тазобедренном суставе пациентки.

Приложенная записка от Артёма: «Я хочу решить всё мирно. Подпиши отказ от доли в клинике, и дело закроется тихо. Ради родителей. Ради спокойствия. Я не враг тебе, Вера. Я просто устал от твоего эгоизма».

Усталость от эгоизма. Он называл мою преданность профессии эгоизмом. Рейдерский захват под маской заботливого мужа.

Я побежала к ноутбуку. Руки дрожали так сильно, что клавиатура расплывалась перед глазами. Звонок бухгалтеру клиники. Старый друг, Олег.

— Верунчик? — его голос был напряженным. — Ты где была? Тебя разыскивает временный управляющий.

— Какой управляющий, Олег? Клиника моя!

— Нет, Вера. Счета заморожены по решению суда. Вчера ночью. Все активы переведены под контроль новой структуры. Головной офис зарегистрирован на Кипре. Я получил указание... мне запретили контактировать с тобой. Извини. Я боюсь потерять работу.

Линия оборвалась.

Рейдерский захват начался. Пока я боролась за свою честь, пытаюсь доказать, что не изменяла, Артём тихо вырезал меня из бизнеса. Капитализм в чистом виде: пока жертва плачет, хищник ест.

Я сидела в темноте гостиной. Только экран телефона светился синим холодным светом. Стук сердца гулко отдавался в ушах, казался чужим, механическим. «Тук-тук. Тук-тук». Мясник в кабинете адвоката, молчание Дмитрия, предательство бухгалтера. Все пути отступления перекрыты.

Осталось только написать заявление об отказе от услуг Соколова. Начать с нуля. Где? В вакууме?

Телефон снова зазвонил. Неизвестный номер.

Я ответила, уверенная, что это снова угрозы или новый маневр Артёма.

— Вера Сергеевна?

Женский голос. Мягкий, почти материнский, но с нотками глубокого отчаяния. Плачащего голоса.

— Кто это?

— Это Елена.

Тишина повисла между нами, плотная, как ватная пробка в ухе после падения давления.

— Зачем ты звонишь? Чтобы добить меня? Показать свои новые фото?

— Нет, — всхлипнула она. Голос сорвался. — Он сказал, что если ты подпишешь бумаги, я смогу забрать ребенка и уехать. Обещал нам свободу. Обещал, что долг исчезнет.

— Ребенка? — переспросила я автоматически.

— Но он соврал, Вера. Он всегда врёт.

Голос Елены стал тише, интимнее, как исповедь в темной церкви.

— Ребенка нет. Есть только долг. Огромный. Мой брат... он должен Артёму. Много денег. Артём использовал меня. Я играла роль. Фото, тесты... все куплено. Все поддельно. Но долг настоящий. И если ты не подпишешь, он заберет у меня всё. И у тебя тоже.

Я прижала телефон крепче. Весь вечер я ждала от неё оправданий. А она говорила о долге — как бухгалтер, у которого не сошёлся баланс.

«Ребенка нет. Есть только долг».

Мое унижение было основано на фантоме. Мое чувство вины за «измену» было ложным, сконструированным. Но мой страх был настоящим. Артём строил не просто семейную драму. Он строил финансовую пирамиду, где я и эта женщина, Елена, были лишь кирпичами, которые нужно было заложить в фундамент его нового капитала.

Враг был не снаружи, в виде измены. Враг был внутри системы долгов и обязательств.

Я посмотрела на черновик договора о разводе. Теперь я видела его не как ловушку для своей гордости, а как карту минных полей. Если я подпишу — я стану свободна от брака, но попаду в долговую яму вместе с Еленой, если Артём решит, что мы обе опасны. Если не подпишу — меня сожрут в суде.

Но теперь я знала главное. Схема имела трещины. Елена была не любовницей. Она была заложницей. И такие, как она, знают больше, чем кажется.

Я медленно положила телефон на стол. Пальцы перестали дрожать. Холодная ярость, та, что помогает врачу сохранять твердость руки, когда кровотечение становится критическим, начала наполнять мое тело.

— Что тебе нужно? — спросила я в трубку. Голос был стальным.

Елена замолчала. Потом тихо ответила:

— Доказательства. Оригиналы анализов. Те, что Артём хранил в сейфе в своем офисе. Там есть файлы, которые могут всё изменить.

Я закрыла глаза. Перед мысленным взором возник образ кабинета Артёма. Сейф. Код. Охрана.

Это было самоубийство. Это было безумие.

Но впервые за эти дни я почувствовала вкус крови во рту. Не от слез. От азарта.

— Жди, — сказала я. — Я найду способ.

Я повесила трубку. За окном Москва гудела моторами, готовясь к ночи. Но для меня ночь только начиналась. И теперь я знала, что играю не на стороне жертвы. Я стала игроком. Ставка в игре — не честь. Ставка — свобода нескольких людей. И я собиралась её выиграть.

Глава 6

Мир сузился до туннеля, где по краям ползли черные мушки, а в центре горело белое, режущее глаза пятно. Я знала это ощущение. Ортопедический стаж, тридцать шесть часов на ногах, кофе вместо обеда и бессонница, которая съедает нервные клетки быстрее, чем я успеваю их восстановить. Но сейчас было иначе. Сейчас тело предавало меня не из-за усталости, а из-за токсина, который Артём впрыснул мне прямо в кровь своей ложью.

Я держалась за холодный металл перил подъезда, чувствуя, как ногти скребутся по краске. Нужно просто дойти до машины. Просто сесть, закрыть глаза и переждать этот шторм внутри черепа. Шаг. Второй. Третий. Колени подогнулись, превратившись в вату. Земля ушла из-под ног с такой скоростью, что я даже не успела испугаться.

Удар был мягким — о снег перед входом в мой же дом. В голове прозвенел колокол.

— Вера Сергеевна? Ох, господи, как вы?

Голос был сладким, приторным, как сироп от кашля. Я попыталась приподнять голову, но веки налились свинцом. Надо мной склонились две фигуры в безупречных белых халатах. Лица закрыты масками, только глаза блестят профессиональным сочувствием. Частная клиника «Остео-Мед». Моя клиника. Или... чья-то еще?

— Мы видели вас через окно, — одна из них, блондинка с идеальной укладкой, протянула шприц. — Вам нужно успокоительное. У вас гипертонический криз. Не сопротивляйтесь, так будет лучше для всех.

Это не скорая. Это ловушка. Если я усну сейчас, завтра проснусь не врачом, а пациенткой. Диагноз уже готов, печать уже поставлена.

— Руки прочь! — мой голос сорвался на хрип, но тело послушалось воли. Я ударила локтем в живот медсестре. Она ойкнула, отшатнулась. Вторая схватила меня за плечи, пальцы впились в ткань куртки. Запах их духов — дешевый жасмин — ударил в нос, смешавшись с привкусом крови на губах.

Я вывернулась, как змея, чувствуя, как трещит ткань рукава. Свобода. На секунду. Я рванула к двери подъезда, толкнула тяжелую створку, влетела внутрь и бросилась к лифту. Лифт не ехал. Я побежала вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки, задыхаясь, слыша за спиной топот шагов персонала, который почему-то не спешил догонять. Они знали: я сама загоню себя в угол.

Квартира. Замок щелкнул, повернулся три раза. Цепочка. До засова я не дотянулась. Я сползла по стене, прижимаясь спиной к холодному дереву двери. Тишина. Только сердце колотится так, что кажется, будто оно вот-вот выпрыгнет из груди, разорвав ребра.

Но тишина была обманчивой. На кухонном столе, там, где обычно лежали мои рецепты и счета за коммуналку, высилась стопка бумаги. Я подошла, шатаясь, как пьяная. Пальцы дрожали, когда я взяла верхний лист. Бланк клиники «Остео-Мед». Поле «Диагноз»: «Острое нервное истощение с психотическими эпизодами». Поле «Рекомендации»: «Изоляция, медикаментозная терапия». И внизу, четко набрано: «Вера Сергеевна Соколова».

Это не черновик. Это приказ. Они пришли забрать не меня, а мою личность.

Я врач. Я знаю, как выглядят документы для суда о недееспособности. Артём не просто хотел увести меня в тень. Он готовил юридическую базу, чтобы отобрать всё. Клинику. Активы. Меня саму.

Руки затряслись сильнее. Телефон в кармане стал неподъемным кирпичом. Дмитрий. Нужно позвонить Дмитрию. Он единственный, кто может понять масштаб этой игры. Я выхватила аппарат, но экран поплыл перед глазами. Пальцы соскользнули. Смартфон упал на кафедру с глухим стуком, треснув углом.

Паническая атака накрыла волной. Тошнота подкатила к горлу комком. Воздуха не хватало, хотя окна были распахнуты. И тогда я услышала смех. Тихий, мелодичный, знакомый до дрожи.

— Верочка, ты так смешно выглядишь, когда теряешь контроль, — прошептал голос Елены. Он исходил из стены за моей спиной. Из гостиной. Хотя квартира была пуста. Абсолютно пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.